

Поверил алгеброй... Малевича

Кудьмурса
2001 - 7-13 февраля 8

Александр Панкин – художник нового века

Дурная бесконечность рутины, будничности притупляет обостренность наших чувств к подлинно новому. Именно рутинеры подозрительны к подобному искусству, находящемуся в поиске, ценящему экспериментальность. И хотя после безалаберных концептуальных выходов на протяжении 90-х едва ли не все авангардное ассоциируется с непременным разрушением, непристойностью или даже надругательством, поиск неостановим. Все-таки наступило новое тысячелетие. Весь прошедший год я ожидал для себя, когда же эти слова получат подтверждение. В том, что оно действительно наступило, меня убедил результатами своего творчества пока один-единственный художник – Александр Федорович Панкин.

Воспринять, понять его работы непросто. Когда же прикасаешься к их смыслу хотя бы поверхностно, хочется произносить очевидные максимы. Что искусство не стоит на месте. Что свято место пусто не бывает. И даже – что невозможное возможно. Панкин – из числа тех единиц, что в наш многомерный и пересложненный художественный мир вносят ясность, направленность и креативную энергию, сравнимую по масштабу с деятелями русского авангарда начала прошлого (уже) века. Именно с ними, в первую очередь с Малевичем, генетически связано творчество Панкина.

Сам автор, чрезвычайно скромно относящийся к своим свершениям, все творческие "заслуги" списывает на качество, которое он прежде всего стремится выявлять в произведениях, – объективность, безусловность. О том же говорил и Малевич. И здесь нет ни цитирования, ни слепого подражания: есть логика продолжения, есть таинство проникновения в суть действий этого величайшего преобразователя искусств. И не только его одного: новейшее искусство в версии Панкина строится на восприятии и интерпретации классического, традиционного наследия – древнерусских икон, полотен мастеров Возрождения, равно как и "недавней" классики: Мондриана, Пикассо, сюрреалистов. Добавить к этому, что по образованию он архитектор, а значит, привнес в художественное творчество прежде всего способность мыслить пространственно. И то, что все его проекты последних лет так или иначе связаны с наукой, ею обусловлены или же... произвели в ней ряд открытий.

Начнем, однако, в обратном порядке. "Художником XXI века" Панкин был назван (и не мной лишь одним) отнюдь неспроста. За последние полгода он буквально стал героем "обеих столиц". В ноябре – декабре прошлого года в Музейном центре РГГУ он показал итоговую за предыдущие годы выставку. "Число как

искусство". "Круглый стол" на ней, посвященный вроде бы сугубо специальной теме, вызвал бурное осуждение почти полусотни профессионалов искусствознания и различных прикладных наук – от кристаллографии до высшей математики (напомню, что около сотни человек собралось на аналогичное мероприятие с мировой знаменитостью Сулажем в Третьяковке, в постоянную экспозицию которой, кстати, недавно включили и живопись Панкина). Вслед за тем его работы оказались буквально царящими в залах, посвященных искусству недавних лет, на абстрактной мега-экспозиции в Русском музее. И только на днях в галерее "Арт-Гавань" в Петербурге закрылась выставка "Триэдр", в которой творчество Панкина было расширено до "московского трио" замечательными художниками Евгением Гором и Виктором Умновым. Несмотря на выставки, следующие одна за другой, он полон новых идей. Ожидается, что он вскоре удивит нас в Москве на грядущей выставке "Абстракция в России" в Третьяковской галерее. Как удивляет постоянно. Искусством, объясняющим Альберта Эйнштейна и Макса Планка. Искусством, идущим в ногу с научными открытиями. Долгожданный союз "физиков и лириков"?

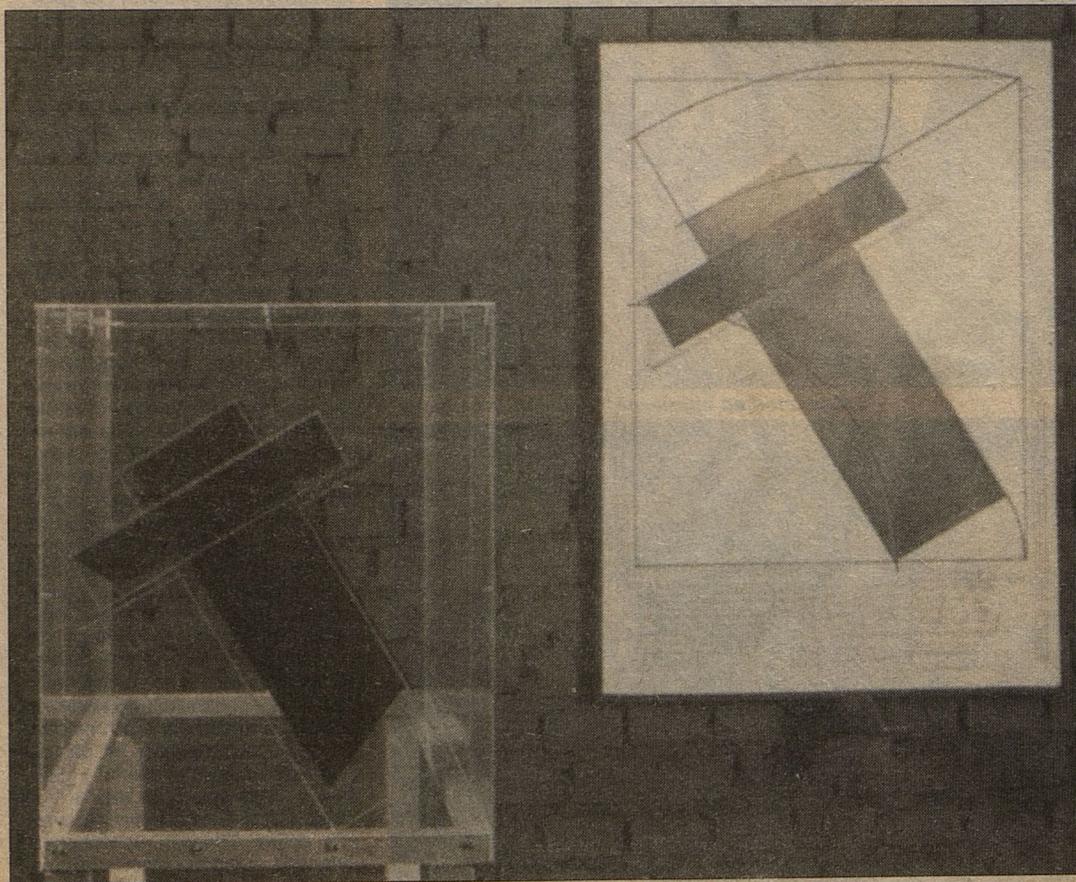
"Леонардовщина" какая-то! Да разве такое возможно посреди нынешнего техногенного мира, в котором прогресс давно расслоен на тысячи течений, неподвластен разуму отдельного человека и развивается с небывалой скоростью? Оказывается, да. Ведь искусство-то ищет ответа на простейшие задачи, на насущные вопросы. Здесь-то художественные проекты Панкина из науки перерастают в подлинную, рационально не объяснимую мистику, внезапно открывая первичные законы нашего бытия.

Еще в середине 90-х Панкин тематически доказал, что гармония и точный расчет в супрематизме Малевича нераздельны, и создал на эту тему серию картин, а затем и инсталляций. Тогда все уважительно поговаривали о том, как Панкин измерил Малевича. Глазомер гения подтвердился: Малевич без циркуля создавал сложные структуры идеальных пропорций. Вслед за учениками великого мастера все вновь уверились: да, такой мог и планетарный размах подчинять своей воле. Тогда же, говорят, наш известный искусствовед, специалист по Малевичу Дмитрий Сарабьянов, узнав от Панкина, что площадь белого поля в великом "Черном квадрате" равна площади черного, воскликнул: "Не

может быть!" Зрение, как выяснилось, искажает: черного всегда казалось больше. А квадрат потому и бесспорно магически воздействует с необъяснимой силой. И теперь-то наконец на главный вопрос праздного любителя искусства XX века – что хотел сказать Малевич своим "Черным квадратом?" – можно ответить, указав на трехмерные версии Панкина: "Вот, смотри! Да не сказать, бестолковый, а показать!" Ибо он был первым живописцем безусловных структур.

Вслед за ним – и Александр Панкин. Чаения гениальных мечтателей начала XX века он претворяет в объективный космос сейчас, в наши дни. Заставляет осязать бесконечность, создавая своеобразную проекцию звездного неба. Материализует образы чисел в зримые объекты, чтобы мы наконец смогли увидеть, что же такое число "пи", "трансцендентное", то есть не исчислимое до конца никогда... Изобретает универсальный язык, моделирующий и философию, и искусство, и математику. Но на самом деле претворяя сложное и многомерное в простое, в ясные формулы абстрактного искусства.

Сергей ПОПОВ

А.Панкин. Трехмерный объект на тему картины К.Малевича. 1995 – 1997 гг.

У6